

славянофильства богословско-философская проблематика была «специальностью» И. В. Киреевского и Хомякова, впоследствии — Самарина и Гилярова-Платонова. Наиболее близким себе по основным мировоззренческим интуициям (особенно во взглядах на религию, историю и современную им философию) оба считали Хомякова, и тот нередко отдавал предпочтение именно им, призывая их к творческой полемике — как в форме дружеского спора в гостинице, так и в печати. После кончины Хомякова Гиляров и Самарин по-настоящему сблизились, и прежде всего — в связи с подготовкой к изданию литературного наследия Хомякова, ход работы над которым проясняется благодаря их неопубликованной переписке, хранящейся в ОР РНБ (Ф. 847. № 474, 686). Исследователь выяснил, что речь Гилярова «О судьбе убеждений. По поводу смерти А. С. Хомякова» (1860) по совету Самарина была доработана автором для печати, с тем чтобы «воссоздать его (Хомякова. — О. Ф.) духовный образ в его цельности и единстве». Самарин и Гиляров совместно готовили к изданию богословские сочинения Хомякова в 1860–1867 годах, ими было сделано три варианта перевода с французского его богословских брошюр, но мера участия каждого была различна. Первый перевод создан Гиляровым и напечатан в журнале «Православное обозрение» (1863. № 10–11; 1864. № 1–2), второй вариант (1864) принадлежал Самарину, окончательный, третий (1867), на основе предыдущих тоже сделан Самариним, пользовавшимся консультациями Гилярова. Трудоемкость работы объяснялась тем, что язык брошюр был насыщен идиомами,

восходящими к стилю французской классики XVII века, а передача религиозной терминологии требовала, чтобы был прочтен опыт переводов святоотеческого наследия. Еще один проект, объединивший Гилярова и Самарина, развивал критику Хомяковым католичества. В ноябре 1865 года Самарин начал публиковать свои пять «писем об иезуитах», в подготовке и публикации которых действительно участвовал Гиляров: держал корректуру, делал замечания, вносил поправки.

Вечернее заседание второго дня было проведено как «круглый стол» на близкую славянофилу-юбиляру тему: «Консерватизм не значит конформизм». Однако поводом к заключительному аккорду конференции стали уже другие даты — 150 лет со времени издания в журнале «Заря» книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», названной ее издателем (Н. Н. Страховым) «катехизисом славянофильства» и до сих пор вызывающей все новые и новые волны полемики, и пять лет со дня создания (в мае 2015-го) интеллектуального Интернет-ресурса — сайта «Политконсерватизм» («Русская idea»). Дискуссия о современном бытовании классического труда Данилевского (в частности, в контексте актуальных политических проблем) сменилась видеопрезентацией сайта и рассказом председателя редакционного совета проекта «Русская idea» Б. В. Межуева (Москва) о том, как создавался ресурс, о круге его авторов и о том, что представляет собой «несистемный консерватизм» сегодня.

© О. Л. Фетисенко

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-224-228

НАБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2019 ГОДА

Много лет проводившаяся в петербургском Музее Набокова международная конференция «Набоковские чтения» в 2019 году (с 3 по 5 июня) впервые прошла в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и музее-усадьбе Рождествено. Причиной переноса конференции стали события, развернувшиеся в музее весной и приведшие к полной смене сотрудников и руководства.

Приветственное слово произнесли директор Пушкинского Дома В. В. Головин, бывшая заведующая музеем Т. О. Пономарева, которая выразила благодарность Институту русской литературы, принявшему в своих стенах «Набоковские чтения», а также председатель оргкомитета конференции, профессор Бостонского колледжа М. Д. Шраер (США).

Конференция открылась докладом Кэнси-на Мацумото (Япония) «И. С. Тургенев и В. В. На-

боков — шахматная связь между двумя писателями». Со следующим докладом «Набоков и советская литература («Приглашение на казнь»)» выступил А. А. Долинин (США). В докладе впервые рассматривался вопрос об отношениях романа «Приглашение на казнь» с советской литературой и текущими событиями в СССР. Обратив внимание на фрагмент черновика, вычеркнутый Набоковым, Долинин показал, что по первоначальному плану роман «Queercus», который читает Цинциннат Ц., должен был принадлежать перу русского автора по фамилии Летчиков или же быть коллективным сочинением. Оба варианта отсылают к событиям в советской политике и культуре 1934 года — установлению культа летчиков-героев после успешной операции по спасению челюскинцев и к выходу в свет позорной книги тридцати семи советских писателей во главе

с Максимом Горьким «Беломоро-Балтийский канал им И. В. Сталина. История строительства 1931–1934 гг.». Хотя Набоков отказался от прямых аллюзий, попытки тюремщиков «перековать» Цинциннату и плаксивая бесчувственность одного из них напоминают восторги Горького по поводу успешной «перековки» чекистами асоциальных элементов и характерное для него сочетание жестокости и театральной слезливости.

В докладе М. Д. Шраера «Бунинский бубен: Отголоски учителя в четвертом романе Набокова» было высказано предположение, что образ и литературная аура фикционального писателя Сергея Бубнова в романе «Подвиг» содержат неявные намеки на Бунина. Это, по видимому, один из первых критических выпадов Набокова-ученика в адрес Бунина-учителя.

Доклад С. Я. Сендеровича (США) и Е. Шварц (США) назывался «„Луиниевский глаз“». Комментарий к „Камере обскура“». Из раннего рассказа «Венецианка» (1924) в роман «Камера обскура» (1931) / *Laughter in the Dark* (1938) переходит мотив «луиниевских глаз». Их обладательница, героиня романа, Магда/Марго неотразима для искусствоведа Кречмара/Альбинуса. Луини — самый известный леонардек, подражатель Леонардо. Для понимания смысла этой аллюзии должны быть приняты во внимание два источника. Один из них — упоминание о мадоннах Луини в третьем томе «Образов Италии» П. Муратова, вышедшем в Берлине в 1924 году. Другой — акцентированное А. Шопенгауэром (к которому Набоков обращался неоднократно) глубокое различие между прекрасным и прелестным.

О. Ю. Сконечная (Москва) в докладе «Марфинька и роковые женщины замятинской прозы (Из комментария к «Приглашению на казнь»)» проследила происхождение героини романа Набокова по линии роковых красавиц Е. И. Замятина: Марфы из рассказа «Русь» (1923) и ее тезки из рассказа «Икс» (1926). Черты замятинско-набоковских Марф, сочетающих в себе жестокость и жалостливость вкупе с безотказностью, были рассмотрены в связи с восприятием в XX веке восходящего к Достоевскому расхожего представления об «*âme slave*», «загадочной русской душе». В ходе доклада были затронуты вопросы о функции лубка и народной культуры у Замятина и Набокова, о влиянии жанра антиутопии, впервые созданного Замятиним, на замысел «Приглашения на казнь», а также идея противоположности Замятина и Набокова как «дионисийского» и «аполлонического» творцов.

В докладе Б. А. Ланина (Москва) «Антиутопия в произведениях Набокова» впервые рассматривалась структура всех антиутопий писателя («Приглашение на казнь», «Истребление тиранов», «Бледное пламя», «Bend Sinister») и анализировалась, на каких основаниях устроена в текстах Набокова новая, предлагаемая антиутопией реальность. В отличие от мифологизированного и незримого Большого Брата из «1984», диктаторы у Набокова тра-

вестируются и высмеиваются. Смех низводит их до парий, однако за право на смех придется платить собственной жизнью. Путь утопического героя — это прогулка по райскому саду, ознакомление с новыми видами растительной жизни. Путь антиутопического героя — это балансирование между жизнью и смертью.

В выступлении Л. Е. Муравьевой (Санкт-Петербург) была реконструирована история личных контактов Набокова и А. Роб-Грийе, а также сопоставлены принципы их авторских поэтик. С опорой на неопубликованные письма, а также компаративный и нарратологический анализ в докладе было установлено, что оба писателя хотя и отрицали взаимное влияние, вместе с тем использовали одни и те же эстетические и нарративные принципы, среди которых — «*mise en abyme*», стратегия повторения, игра точек зрения и др. Этим, по предположению исследовательницы, может объясняться почти двадцатилетняя привязанность и взаимная симпатия двух литературных мэтров.

А. О. Филимонов (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад сопоставлению организации драматического конфликта у Пушкина и Набокова, а Евгений Белодубровский (Санкт-Петербург) выступил с сообщением «Table Talk («Разговоры о Набокове...»», в котором представил множество сведений, рассыпанных на страницах русской эмигрантской периодики и советской печати 1930–1940-х годов.

Работа конференции продолжилась докладом С. А. Кибальника (Санкт-Петербург) «Роман Набокова „The Real Life of Sebastian Knight“ как гибридный гипертекст Достоевского». В докладе говорилось, что интертекстуальные связи с Достоевским в романе о Себастьяне Найте менее заметны, но не менее значимы, чем в «Отчаянии» или «Лолите». «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» может рассматриваться как своего рода гибридный гипертекст Достоевского, поскольку основная сюжетная линия этого произведения образована посредством скрещивания сюжетных линий «Подростка» с мотивами и образами «Игрока».

Евгений Лейзеров (Германия) проследил влияние стихотворения И. Ф. Анненского «Петербург» на юношеские стихи Набокова.

Завершился первый день конференции презентацией новых исследований в области набоковедения — «Комментария к роману Владимира Набокова „Дар“» А. А. Долинина и третьего, исправленного и расширенного, издания книги М. Д. Шраера «Бунин и Набоков. История соперничества».

Второй день конференции начался с доклада Ю. Трубихиной (США) «„Лолита“ Набокова, „Лолита“ Кубрика: переписка автора и режиссера и опыт внутриязыкового и интересемиотического перевода». В 1959–1960 годах Набоков занимается тем, что сам называл «*cinemizing*», — сотрудничеством со С. Кубриком. Результатом стал фильм «Лолита», где

в титрах в качестве сценариста указан Набоков, хотя от набоковского сценария в нем осталось мало. Сценарий писался как палимпсест, так как Кубрик и Набоков сражались за контроль над нарративом. Первая часть доклада содер­жала краткую историю их переписки. Вторая касалась некоторых ключевых приемов работы Набокова над адаптацией романа, параллельных его же принципам, осуществляемым в процессе литературного перевода. Завершался доклад сопоставлением метонимического и метафорического принципов построения нарратива, лежащих в основе двух «Лолит» — фильмов Кубрика (1962) и Э. Лайна (1997).

Ю. Левинг (Канада) сделал сообщение на тему «Гостиничная экономика Владимира Набокова, или Кое-что из истории чаевых». Карманные блокноты Владимира Набокова 1960-х годов содержат разнообразные сведения о ходе литературной работы, а также личные пометы, разрозненные наблюдения, записи снов, нужные адреса. Но встречается и информация особого рода — довольно частые записи о том, кому и когда Набоков давал чаевые. Для современного читателя интерес представляет не только скрупулезная фиксация денежного вознаграждения в цифрах, но, в еще большей степени, изощренные и постоянно меняющиеся прозвища, которыми Набоков наделял сменяющийся на его глазах гостиничный персонал.

Теме «Некоторые замечания к вопросу отношений автора и читателя в произведениях Набокова и вокруг них» посвятил свое выступление С. Блэквелл (США), вопреки общепринятому мнению, убежденный, что Набоков отнюдь не был одержим идеей контроля над интерпретациями своих произведений. Подчас он даже не интересовался читательскими реакциями. В докладе было показано, что Набоков намеревался изобрести в своем паратекстуальном мире новую форму эстетического предмета, и одна из его задач заключалась при этом в создании иллюзии авторских контро­ля и тирании над текстами и читателями.

В докладе М. Я. Вайскопфа (Израиль) «Русская проза Набокова в контексте романтического визионерства» практически все русскоязычное наследие Набокова рассматривалось как продолжение и вместе с тем завершающая стадия развития русского романтизма. Докладчик опирался на сюжетно-морфологическую схему, исследованную им в книге «Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма» (2012) на огромном материале текстов Золотого века и смежных периодов. Ближайшим предметом для доклада послужило сюжетное строение романа «Дар», подытожившего европейский этап набоковского творчества. Одним из решающих аргументов, приведенных Вайскопфом в подтверждение его центрального тезиса, стала уклончивая асексуальность этой книги, входящая в стандартный мотивный комплекс русского романтизма, особенно в текстах позднего периода.

Э. Рэмбо (США) выступила с докладом «Дегуманизация и желание в романе „Король,

дама, валет“», в котором опиралась на психологическую модель дегуманизации, предложенную Ником Хасламом. Согласно этой модели, существуют две различные формы дегуманизации: механистическая и анималистическая, возникающие в результате отрицания тех качеств, которые отличают человека от животного или неодушевленного предмета. Оба типа дегуманизации отчетливо соотносятся с такими ведущими темами романа, как отвращение, желание и объективизация. В соответствии с моделью Хаслама, главные герои романа, взаимодействуя друг с другом, используют разные виды объективизации в зависимости от того, какие отношения их связывают.

Завершились утренние заседания сообщением Л. Тарви (Финляндия) «„Странные джентльмены“ в романах Набокова и их „risks to be human“».

Конференция продолжилась выступлением О. Ю. Ворониной (США) «От м-ра Атмана к мсье Гумберту: Набоков о подходе к „Сестрам Вейн“ и „Лолите“». Дневник Набокова за 1951 год содержит несколько записей о некоем мистере Атмане, французе, чьи взгляды на американский образ жизни подозрительно совпадают с набоковскими. Никакого мистера Атмана, однако, никогда не существовало. Исследовательница проанализировала эти дневниковые записи как увлекательный путь создания, воплощения и развоплощения литературного персонажа — процесс, который у Набокова часто являлся актом преодоления границы между жизнью и художественной прозой, восприятием и воображением. Согласно одной из записей, мистер Атман является прототипом профессора французского языка и литературы из «Сестер Вейн», в докладе также рассматривалась его близость к мистери Хайду из новеллы Р. Л. Стивенсона «Странный случай доктора Джекила и мистера Хайда» и к Гумберту Гумберту, наиболее знаменитому французу Набокова.

Доклад В. Г. Тимофеева (Санкт-Петербург) «αἰώνια ἢ μνήμη vs. вечная память: пере­читывая рассказ „Ultima Thule“» продолжал серию выступлений, исследующих мотивы и аллюзии рассказа Набокова. Заупокойный богослужебный православный текст «...вечный покой подаждь, Господи, усопшим рабом твоим (имярек) и сотвори им Вечную память» интерпретируется как основной элемент устойчивого фрактального паттерна рассказа, с пропуском двух обязательных компонентов — обращения к Создателю и имени усопшей. Панихида, таким образом, превращается в αἰώνια ἢ μνήμη («вечная ему/ей память») — прославление живых, практику, распространенную в Древней Греции. Такое прочтение «Ultima Thule» позволяет утверждать, что основная тема произведения — поиск обоснования права художника/автора на пребывание в Вечности, в мире Платоновых истин.

Е. Г. Трубецкова (Саратов) представила доклад на тему «Взгляд сквозь „очки безумия“ в прозе Набокова». Среди различных функций

мотива безумия, присутствующего во многих произведениях писателя, были рассмотрены визуальные эксперименты, создаваемые оптикой неуравновешенного сознания, в частности, продемонстрированы примеры «остранения», связанные с изображением психических расстройств героев. Более подробно был проанализирован роман «Защита Лужина», а также прослежены его интертекстуальные связи с произведениями Н. А. Полевого, В. Ф. Одоевского, Н. В. Гоголя, А. Н. Апухтина, С. Д. Кржижановского. В отличие от романтической трактовки сумасшествия как священной болезни, Набоков не сближает гениальность и помешательство, показывая несовершенство восприятия болезненного сознания.

Завершился второй день конференции секцией памяти филолога и набоковеда Б. В. Аверина, скончавшегося 4 января 2019 года. С воспоминаниями выступили ученики Аверина разных лет: К. Басилашвили, В. Полищук, П. Бояркина, а также друзья и коллеги ученого: Т. О. Пономарева, О. А. Дмитриенко, В. Г. Тимофеев. В рамках этой же секции были прочитаны три доклада.

Первой с докладом «Солнце Груневальда как источник экстатического опыта (на материале писем к Вере 1920-х годов и романа «Дар»)» выступила О. А. Дмитриенко (Санкт-Петербург). Груневальд — сосновый лес на юго-западе Берлина, где Набоков загорал у озера. В письмах лета 1926 года он придумывает специальное определение любимого времяпрепровождения — «груневальдовал», синонимичное словам «блаженствовал», «колдовал». В докладе исследуется мифопоэтический аспект образа Груневальда в романе «Дар». Очевидно обращение Набокова к античной мифологии, но это «верхний слой» в иерархии текстов мифологического палимпсеста. Последовательность преобразования загорающего Федора: от мимикрии к метаморфозе — отсылает к солярным культам и символической структуре обрядов инициации. Актуализируя мифологический комплекс солярного героя-демиурга в финале романа, Набоков дает скрытую оценку результатов творчества автобиографического героя. Экстатический опыт представлен как художественно запротокколированный процесс телесного развоплощения. Плотская природа, родственная всему природному царству, становится посредником растворения Федора в воздушно-солнечной стихии, необходимым участником экстатического акта — перехода от единичности человеческого самосознания к всеобщности бытия.

Доклад «Два побега: мотивы „Графа Монте-Кристо“ Дюма в романе „Защита Лужина“» В. Б. Полищук (Санкт-Петербург) был посвящен одному из ранее не учтенных претекстов романа Набокова. Мотивы, отсылающие к «Графу Монте-Кристо», переплетены с другими и порождают цепочку загадок и подсказок для внимательного читателя. Фрагмент текста, отдельный образ, фраза нередко оказываются многофункциональными и несут в себе сразу

несколько смысловых пластов. «Монте-крисстовские» мотивы наделены в «Защите Лужина» четкими функциями и работают как органичная часть набоковской поэтики, развивая одну из ключевых тем романа — жизни как сна. Вводя в текст эти мотивы, автор создает особое романное измерение и погружает героя в грезы и видения, связанные не только с шахматами, но и с книгами, прочитанными им в детстве и составляющими фон прошлого, к которому мысленно возвращается герой.

Второй день конференции завершился докладом П. В. Бояркиной (Санкт-Петербург) «От Евгения Онегина к Демону Вину», в котором были прослежены трансформации заданного Пушкиным типа героя в произведениях XIX и XX веков. Демон Вин — одно из наиболее поздних звеньев этой традиции. Его имя прежде всего отсылает к лермонтовскому Демону, на фоне которого явно проступает ироническая обрисовка набоковского персонажа. Однако Демон Вин генетически связан и с другими героями онегинского типа (Адуев-старший, Павел Петрович Кирсанов, Ставрогин, Степан Трофимович Верховенский, Версилов, Николай Аблеухов). Пушкин создавал Онегина как современного молодого героя, но с течением исторического времени авторы стали делать героев этого типа старше, изображая их как представителей отцовского поколения. Именно к такому поколению принадлежит Демон Вин.

Третий день конференции проходил в музее-усадьбе Рождествено. Секция, посвященная семье Набоковых, открылась докладом «Из комментариев к „Другим берегам“» Т. О. Пономаревой (Санкт-Петербург). Помимо хорошо изученного литературного контекста, все три версии мемуарного романа Набокова включают в себя огромное количество имен, не связанных с литературой — родственников, друзей семьи, учителей, слуг. Для представления в докладе были выбраны три семейные истории, которые до сих пор ни в одном издании мемуаров Набокова не были включены в комментарий. Одна связана с семьей Рукавишниковых, родственников Набокова по линии матери, а две другие — с теми фигурами из ежедневного окружения Набоковых, которые обрели свою долю бессмертия на страницах «Других берегов» — «нечетным Осипом» и «эмигрантской собакой в залатанном пальтеце».

Темой выступления родственника Набоковых В. Петкевича (Чехия) стала жизнь членов семьи Набоковых в Праге после того, как в Берлине 28 марта 1922 года был убит Владимир Дмитриевич Набоков. В докладе были представлены факты, касающиеся жизни нескольких поколений семьи, проживающей в Праге с декабря 1923 года: вдовы Елены Ивановны Набоковой, ее сына Кирилла и двух дочерей — Елены и Ольги. Елена Ивановна умерла в 1939 году, Елена Владимировна Сикорская в 1947 году уехала в Швейцарию, а Ольга Владимировна Петкевич оставалась в Праге до

своей смерти в 1978 году. От брака с Борисом Петкевичем у нее в 1931 году родился сын Ростислав, отец докладчика, скончавшийся в 1960 году. В настоящее время в Праге проживают четверо потомков семьи Набоковых: Владимир Петкевич и трое его детей (Яна, Даниил и Агнешка, их мать — Павла Хайкова).

И. Клягина (США) представила доклад на тему «Отцы и дети: переписка Владимира и Дмитрия Набоковых». Осенью 2017 года Литературный фонд Набокова передал в Гарвардский университет материалы, хранившиеся у Дмитрия Набокова до его смерти в 2012 году. Среди семейной переписки — 13 писем Владимира Дмитриевича к сыновьям Владимиру и Сергею (несколько адресованы обоим сыновьям) 1919–1922 годов, письма матери Набокова, Елены Ивановны, и около пятидесяти писем и открыток от Владимира и Веры Набоковых сыну Дмитрию, и от Дмитрия к ним. При поверхностном чтении писем Дмитрий кажется обаятельным, талантливым, безответственным и избалованным сыном попеременно обожающих, требовательных, всепрощающих и доведенных до белого каления родителей. Но вернее будет прочитать эту переписку как историю родительской и сыновней любви, доверия, верности, строгости и великого терпения.

М. Б. Мейлах (Франция) выступил с сообщением «Неизвестное письмо Владимира и Веры Набоковых». В 1975 году докладчик передал Набокову через его сестру Е. В. Сикорскую письмо-пародию в «набоковском» стиле, указав в нем адрес своего приятеля в Италии. Вскоре тот привез продемонстрированное во

время доклада ответное письмо, подписанное женой писателя, где с его слов говорилось, что он получил «a very touching and talented letter» («очень трогательное и талантливо написанное письмо») из Ленинграда, но не может ответить из опасения доставить неприятности адресату в советской России. В данном случае опасения эти подтвердились не вполне: когда впоследствии Мейлах был арестован за хранение антисоветской литературы, безграмотный следователь оставил письмо, вложенное в изъятый при обыске том стихотворений Набокова, без внимания.

Аньес Эдель-Руа (Франция), вице-президент французского набоковского общества, представила изданную в Страсбурге в 2017 году книгу «Владимир Набоков и Франция» («Vladimir Nabokov et la France»). Авторы этого сборника исследуют разные аспекты отношения Набокова к литературе, культуре и языку Франции. Особый раздел посвящен рассмотрению вопроса о том, какое место занимает Набоков во французской культуре и литературе.

Конференция, на которой, кроме устных выступлений, были представлены два стендовых доклада студентов СПбГУ («„Балансируя на грани“: Эдмунд Уайт и Владимир Набоков» М. Либман и «Интерпретация произведений В. Набокова через фанфикшн» Е. Кривогорнищевой), завершилась докладом Н. Гайдужковой (Германия) «Поэзия Набокова 20-х годов — взгляд из Берлина».

© П. В. Бояркина

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-228-230

275 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. И. НОВИКОВА

26 сентября 2019 года Отдел по изучению русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН организовал научное заседание по случаю 275-летия со дня рождения Н. И. Новикова (1744–1818).¹ Общественный деятель и один из самых известных русских писателей второй половины XVIII века, Новиков оказал всеобъемлющее влияние на литературный процесс эпохи обширной и разнообразной издательской деятель-

ностью. Сообщения, представленные на заседании, были посвящены критическим взглядам Новикова на современную ему русскую литературу, его издательским проектам, распространенности его изданий в читающей России XVIII–XIX веков и отдельным историко-литературным вопросам в связи с издаваемой им периодикой.

В докладе Н. Д. Кочетковой (Санкт-Петербург) «Литературные приоритеты Новикова» была прослежена эволюция его литературных интересов и предпочтений. В период издания своих сатирических журналов 1769–1772 годов он решительно выступал против нападков на А. П. Сумарокова со стороны литературных противников и всячески подчеркивал достоинства его сочинений, особенно драматических произведений и притч. Считая Сумарокова «образцовым» автором, Новиков даже отдавал ему предпочтение перед М. В. Ломоносовым;

¹ Хронику заседания, организованного Пушкинским Домом совместно с Тартуским государственным университетом 16–18 декабря 1968 года в связи с 225-летием со дня рождения Новикова, см.: Русская литература. 1969. № 2. С. 238–240; Материалы ее частично опубликованы: XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени.